
Н а т а л и я
Т е р е н т њ е в а

**РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ
ГРУППА «ЖАНРЫ»
ПРЕДСТАВЛЯЕТ КНИГИ
НАТАЛИИ ТЕРЕНТЬЕВОЙ**

БЕДНЫЙ БОБИК

КУДА УЛЕТАЮТ АНГЕЛЫ

МАРИМБА!

**ЛИКА БОРГА,
ПОХОЖАЯ НА ЧЕЛОВЕКА И УДИВИТЕЛЬНАЯ**

СИНДРОМ ОТСУТСТВУЮЩЕГО ЁЖИКА

УЧИЛКА

ЧИСТАЯ РЕЧКА

Н а т а л и я
Т е р е н т ь е в а

Ч И С Т А Я р е ч к а

АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т35

Любое использование материалов данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Серия: «Там, где трава зеленее...»
Проза Наталии Терентьевой»

Серийное оформление — *Андрей Фerez*
Иллюстрация на обложке — *Виктория Лебедева*

Терентьева, Наталия Михайловна.
Т35 Чистая речка : [роман] / Наталия Терентьева. —
Москва : АСТ, 2015. — 384 с. — (Там, где трава зеле-
нее... Проза Наталии Терентьевой).

ISBN 978-5-17-088878-8

«Я помню эту странную тишину, которая наступила в доме. Как будто заложило уши. А когда отложило — звуков больше не было. Потом это прошло. Через месяц или два, когда наступила совсем другая жизнь...»

Другая жизнь Лены Брусникиной — это детский дом, в котором свои законы: строгие, честные и несправедливые одновременно. Дети умеют их обойти, но не могут перешагнуть пропасть, отделяющую их от «нормального» мира, о котором они так мало знают. Они — такие же, как домашние, только мир вокруг них — иной. Они не учатся любить, доверять, уважать, они учатся — выживать. Все их чувства предельно обострены, и любое событие — от пропавшей вещи до симпатии учителя — в этой вселенной вызывает настоящий взрыв с непредсказуемыми последствиями. А если четырнадцатилетняя девочка умна и хорошеет на глазах, ей неожиданно приходится решать совсем взрослые вопросы...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-088878-8

© Н.М. Терентьева, 2015
© ООО «Издательство АСТ», 2015

Я помню эту странную тишину, которая наступила в доме, когда умерла мама. Мама умерла в больнице, но до того, как мне позвонили и сказали, дом был наполнен разными звуками. Кричала на детей соседка, капала вода на кухне, громко включался холодильник, скрипело окно, которое я никак не могла плотно закрыть. А потом как будто заложило уши. А когда отложило — звуков больше не было. Потом это произошло. Через месяц или два, когда наступила совсем другая жизнь.

Я помню, как приходил папа, и на похороны, и после похорон. Он пытался меня обнимать и несколько раз путано объяснял, что теперь мне лучше жить у него, но жить негде. И что он никогда меня не бросит и всегда будет помогать. Что в детском доме мне будет одиноко, но там мне будет очень хорошо, потому что я поеду за город и буду там всегда жить, пока мне не исполнится пятнадцать лет.

Я это помню, но иногда мне кажется, что этого никогда не было. Что ничего не было до того, как я попала в детский дом. Мне трудно теперь поверить, что у меня была своя комната, даже с балконом, что меня кто-то любил. Я помню маму, но не очень четко. Я привыкла разговаривать с ее фотографией — молча, про себя, и мне кажется, что она всегда была такой, как на этой фотографии, — в голубом платье, смеющейся, с легким шарфиком вокруг шеи.

Наверно, мама знала, что она должна умереть. Я помню, что перед тем, как ее забрали в больницу, она мне почему-то сказала: «Если со мной что случится, обещай мне, что ты будешь хорошо учиться, будешь, несмотря ни на что, хорошей

девочкой. Обещаешь?» Мне было десять лет, я училась в школе отлично, я не могла понять, почему мама вдруг говорит о таком. Не знаю, что я ей ответила, наверно, пообещала. Потом я часто вспоминала эти ее слова. Она взяла с меня слово, которое сдержать оказалось не так просто.

— Брусникина, ты долго еще? — в комнату заглянула Лерка. — Тебя ждем.

— Я не пойду, я устала.

— Деньги тогда давай, куплю тебе чего-нибудь.

— У меня нет денег.

— Тебе что, отец не прислал?

Лерка подошла, сунула нос в мою сумку, которая стояла на тумбочке. Я могла ее оттолкнуть, мне это ничего не стоило, но я не стала связываться, лишь пожалала плечами.

Я знала, что Лерка может полезть искать деньги, когда никого нет — например, все уедут в школу, а она скажется больной. Остановить ее может только страх. Например, если сейчас дать ей в лоб, но ничего хорошего из этого не будет. Затаится и станет мстить.

— Что, ему денег на тебя жалко? — Она не уходила, стояла около меня, раскачиваясь на носках и надеясь, что я ей копеечку все же дам.

— Не жалко, хотя не знаю. Может, и жалко. Я его плохо знаю. Он зато конфеты привозил, ты помнишь? Огромную коробку. И духи.

Лерка вздохнула:

— Ну ясно, денег не дашь. Можно брызнуться духами?

Я кивнула:

— Брызнись. Только не удивляйся тогда, если Веселухин за тобой будет увиваться всю дорогу.

— Я не про-отив... — глупо засмеялась Лерка, но духи все же поставила на место. — Ладно. Жалко, что ты с нами не идешь.

— Мне алгебру делать нужно. Очень сложная тема. Одну задачу решали весь урок и не решили.

— Зачем тебе алгебра? — искренне удивилась Лерка. — Не понимаю. Никто, кстати, не понимает.

Лерка, которую не любит никто, часто говорит от имени всех, чувствует себя так увереннее. Я спорить не стала, у нее гнусный характер, с ней — чем меньше разговоров, тем тебе же и лучше.

— Руська... — заныла Лерка. — Ну дай хотя бы десять рублей. У тебя же есть деньги...

— А на что тебе сегодня деньги так нужны?

— На то же самое! — глупо засмеялась Лерка. — Тебе куплю, хочешь? Как полезет к тебе Веселухин, ты ему — р-раз и...

— Так, все, я поняла. Не полезет, не волнуйся.

— Чё это? Уже лез, все знают.

— Лез, больше не полезет.

— Что, не понравилось? — задиристо спросила Лерка, на всякий случай отступая от меня подальше.

— Лер... — я постаралась сохранять спокойствие.

Я давно поняла ее свойство — задираться до тех пор, пока она не разозлит другого человека, чтобы он первый начал ссору. А потом она уже с удовольствием встрянет в скандал и никогда не будет виноватой — не она первая начала орать или даже драться. А довести Лерка может так, что иногда завязываются драки.

— Ну, скажи, скажи — чё ж он вокруг тебя ходил-ходил, а потом перестал?

Я поглубже набрала воздуха, так подержала его и выдохнула. Я только что читала, как один герой так делал, чтобы не вступать в драку, когда драться нельзя было. Зря она вообще о Паше заговорила. Мне немного обидно, что он теперь бегаёт за Алёхиной, и я даже знаю, почему бегаёт — именно потому, что с ней все проще получается, безотказно. Но я на Леркины провокации поддаваться не буду.

— Слышь, Брусничка, какая же ты коза все-таки! — нелогично подытожила Лерка, поняв, что сегодня не поорать, и яростно почесала давно не мытые волосы. — Ну что, не пойдешь с нами в поселок?

— Нет, не хочу. Мне заниматься надо. И я устала. Я же пять кругов бегала.

— А кто тебя заставляет? Никто не бегаёт, пацаны мелкие да ты.

— Я тренируюсь, может, в ВДВ пойду.

— Чё, серьезно?

— Ну да. Там же парней много вокруг. Здоровых таких...

Лерка всмотрелась в меня с подозрением.

— И чё? Ты гонишь, что ли?

— Ле-ерка! — из окна раздались голоса. — Ты где-е? Ты что там застряла?

— Иду-у! — проорала Лерка так, что шторы заколыхались. — Не говори Любовь Игоревне, что мы ушли. Мы вообще-то здесь, в лесу, грибы собираем.

— С чего я буду говорить?

— Ага. — Лерка кивнула, прекрасно зная, что я никогда ни про кого не сплетничаю и не докладываю. Просто она не может не дернуть человека.

Пошли они в поселок за сигаретами, это понятно, у Лерки там есть знакомая в киоске, которая всегда продает им сигареты, хотя это и запрещено. Лерка у нас не самая старшая, ей только исполнилось четырнадцать, но она одна из старших, и на вид ей можно дать гораздо больше. Наверно, потому, что она давно живет с мальчиками. У нас многие девочки рано начинают жить с мальчиками, в тринадцать, некоторые и в двенадцать лет. В прошлом году одна девочка даже не успела выпуститься, родила еще в девятом классе. Но это бывает редко. Потом с ребенком совсем некуда деться, особенно тем, у кого нет родственников.

Но вот у меня есть папа и его родня, а это ничего не значит. Все равно у них другая жизнь, и когда я выйду из детдома, к ним не пойду. У них нет места, да и вообще... Не пойду. Раньше бы, может, и пошла, если бы позвали, когда очень плохо было в детдоме, когда я была меньше. А теперь, думаю, я и сама справлюсь.

— Слышь, Руська, а двух рублей нет? Может, поищешь?

— Два есть, — сказала я и дала ей пять рублей, чтобы отвалялась и, наконец, ушла.

Когда Лерка ушла — я в окно видела, как она с другими ребятами выкатилась из двора, —я вытащила из тайника конверт с деньгами. Быстро пересчитала деньги. Тысяча двести рублей. Как было, так и есть. Если набрать грибов, то их можно будет продать на рынке рублей за сто, ну хотя бы за восемьдесят. Еще неделю-две подержатся грибы, и если не будет дождей, то рублей пятьсот можно заработать.

Вчера вечером, когда мы гуляли за территорией, я отчетливо слышала грибной запах. Это свойство у меня от мамы. Я очень хорошо чувствую запахи. Я даже помню, как мама кому-то рассказывала, что, если бы не ее отличное обоняние, она бы не узнала, что папа ее обманывает, и не спросила бы его, и он бы не ушел, когда я была совсем маленькой. А так она почувствовала запах чужих духов, спросила, нет ли у него женщины, он ответил, что есть, и ушел.

Мама преподавала литературу и русский язык в школе. Я помню, как она тщательно и серьезно готовилась к урокам по вечерам, как проверяла тетрадки допоздна под большой зеленой лампой, на которой была приклеена фея с волшебной палочкой, это я ее приклеила; помню, как аккуратно мама одевалась утром и всегда поправляла мне хвосты. Она часто делала мне такую прическу — два задорных хвостика. Почему-то помню именно это — у меня хвосты съезжали, никак не хотели держаться на одном уровне, а мама поправляла их и расстраивалась, говорила: «Ну что же у тебя такие волосы? Ведь ты сама правильная, послушная у меня девочка, а волосы непослушные...» Мне казалось, что это не волосы, а резинки такие, но я с мамой не спорила, старалась укрепить их как можно лучше.

Когда я попала в детдом, волосы мне постригли покороче, чтобы не возиться с расчесыванием, да и просто как-то стригли всех вокруг. И я привыкла два раза в год постригать волосы, хотя многие девочки к выпуску отращивают волосы, так красивее, и они больше похожи на женщин, а не на соплюшек из детдома, кое-как подстриженных.

В этом году я не стала стричь волосы весной. К осени они отросли, и мне кажется, новая прическа меня очень изменила.

Про выпуск я думать пока не хочу, хотя осталось очень мало времени. Не хочу, но думаю постоянно. Мне страшно, я не представляю, как буду жить одна, и, возможно, мне придется учиться на маляра — у нас все поступают в одно и то же училище в городе, где нам дают комнату в общежитии. Зато у меня будет своя комната, в которой я сделаю замок и буду жить совсем одна...

Папа мне недавно объяснял, почему я не могу вернуться в ту квартиру, где мы жили с мамой.

— Понимаешь, Леночка, — говорил он. — Так вышло...

Он всегда зовет меня Леночка, даже в сообщениях не ленится писать «Леночка», просто он так привык. А я не привыкла, меня все зовут Руся, некоторые даже думают, что это мое имя. Так прижилось, сокращенно от фамилии, и удобно. Зато всем понятно и мне понятно, что зовут именно меня, больше имени такого ни у кого нет, а Лен в детском доме еще две.

— Понимаешь, Леночка, просто твою квартиру пришлось продать. Это было очень трудно сделать, потому что там была

прописана ты, но нам удалось... Это было нужно для твоего младшего братика, он болел, ему нужны были витамины...

Мне кажется, папа думает, что я никак не вырасту, что я маленькая или с замедленным развитием, потому что живу в детском доме. У нас есть дети, которые даже читают еле-еле, страницу в час, не могут сосредоточиться и не помнят потом ничего, и считают плохо, а учатся при этом в моем классе, в девятом. Но это не обо мне. Я учусь лучше всех, как и обещала маме, хотя иногда мне тяжело. Когда приходят контрольные работы, которые решает вся страна, я обычно получаю четверку. А наши остальные — не выше двойки. Поэтому учительница по математике, которая преподает нам еще физику и географию, всегда говорит:

— Брусникина, тебе бы учиться, ты бы на олимпиады ездила!

Однажды я попробовала найти в Интернете олимпиаду и решить ее. Спонсоры недавно подарили нам три компьютера и даже провели связь. Я открыла для себя совершенно другой мир.

Я сделала много заданий из олимпиады, а потом несколько дней читала комментарии, потом — вопросы, которые другие дети, живущие в семьях, задают друг другу или кому-то в Интернете, кто может ответить на их вопросы... И кто-то отвечает. Это действительно какой-то другой мир. И если бы я туда попала, я бы обратно сюда уже не вернулась. Но я выйду только тогда, когда закончу девятый класс. И пойду в малярное училище, так все думают. Никуда в другое место наши выпускники никогда не попадают. Ведь малярам даже писать необязательно. Тем более считать. Крась себе стены и крась. Я никому не говорю, почти никому, но я попробую по-другому.

Сказать что-то о себе откровенно я могу только двум людям. Раньше могла трем. Но одна из них в прошлом году попала в аварию, погибла, наша директор, которая к тому же вела у нас русский язык, литературу и английский. И была очень хорошим человеком. Я даже подумала, что есть какая-то закономерность в том, что те, кто преподает русский язык и литературу и любит меня, погибают. Как моя мама и наша директор. Но, наверно, это все-таки совпадение. Ей можно было сказать все и не бояться, что она посмеется или кому-то передаст мои слова. Однажды, когда я была еще маленькой, старшие девочки, которые жили вместе со мной в комнате,

напились, стали очень странно себя вести, кричать, раздеваться, я убежала и пришла к Надежде Сергеевне.

Она жила в городе, до которого пешком идти больше часа, на велосипеде ехать минут тридцать, она всегда ездила на велосипеде на уроки и обратно. И однажды ее в темноте сшиб пьяный водитель. И уехал, и его не нашли. Просто видели следы шин рядом со сломанным велосипедом и раненой Надеждой Сергеевной. Пока ехала «скорая», Надежда Сергеевна умерла. У нее осталась дочка, но ее не отдали в детский дом, потому что у Надежды Сергеевны еще была жива мама, бабушка этой девочки, и ее оставили с бабушкой.

А моя бабушка умерла еще до мамы. Но даже если бы она была жива, я думаю, меня бы ей не оставили. Бабушка была очень странным человеком, так мне казалось, хотя я была маленькой и плохо ее помню.

Бабушка когда-то танцевала в театре, была балериной, и когда она постарела, она осталась очень стройной, как девушка. Она любила носить фиолетовые шляпы, перчатки до локтя и сильно краситься. И я ее боялась. «Будешь много есть, никто тебя не возьмет замуж!» — часто говорила бабушка.

Я знала, что бабушка когда-то была замужем, очень давно, и что ее муж тоже был танцором балета, танцевал вместе с ней. Но это был не мой дедушка и не мамин отец. Про маминого отца говорить никто не любил, и фотографию его я не видела. Однажды только слышала, как мама упрекала бабушку: «Из-за чего у меня такое здоровье? Зачем было меня от старика рожать?» Я тогда ничего не поняла, но запомнила мамины слова. А теперь, когда думаю о своих родственниках, я понимаю, что и у мамы, и у бабушки все было не очень удачно с мужчинами. Но мне повезло, что я могу думать о родственниках. Ведь у большинства детей их или совсем нет, или они пропащие — сидят в тюрьме или лишены родительских прав. У меня-то лучше, чем у остальных.

Еще один человек, которому я могу почти все рассказать, — это Анна Михайловна, мой шеф. У некоторых наших ребят есть шефы. Это не опекун, и многие своих шефов даже никогда не видели. Анна Михайловна пишет мне письма, я отвечаю, если захочу. Если нет — она все равно пишет. Наверно, это такое правило, потому что у других ребят так же. Некоторые не пишут шефам вообще или пишут, чтобы что-то попросить. А шефы все равно пишут, раз в месяц обязательно. Еще они присылают подарки, но только недорогие. Бесполез-

но просить телефон или какие-то хорошие вещи. По правилам им нельзя дарить нам дорогие подарки.

Я Анну Михайловну никогда не видела, но надеюсь, что она когда-нибудь придет к нам. Хотя к нам очень редко кто-то приезжает, потому что сюда трудно добираться. Наш детский дом находится на территории бывшей военной части. Когда-то здесь специально спрятали секретную часть, в лесу. Наверно, в ней готовили разведчиков или была какая-то особая база. Потому что дороги к ней почти нет. Разбитая проселочная дорога, по которой кто хотя бы раз проедет, больше никогда не рискует. Вот мой папа однажды еле добрался и второй раз смог доехать только через три года.

Тем детским домам и интернатам, которые расположены близко от трасс, повезло гораздо больше. Люди едут мимо, видят табличку с указателем «Детский дом 400 м», и некоторые сворачивают, оставляют детям подарки, конфеты или привозят ношеную, но хорошую одежду. К нам же, особенно в распутицу, можно приехать только на вездеходе или долететь на вертолете, а на вертолетах летают только военные и правительство. Но ведь правительство не полетит к нам. И у военных других дел хватает.

Зато у нас очень хороший воздух, все так говорят, когда попадают к нам. И начинают сразу зевать, это значит, что в воздухе много кислорода. На месте большого поселка Первомайский, куда мы ходим что-нибудь купить, продать ягоды-грибы или просто поболтаться по улицам, когда-то было село, которое называлось Чистореченское. Хотя никакой речки здесь поблизости нет. В нескольких километрах есть озеро, но мы там купаемся редко, потому что в нем много рыбы, и рыбаки гонят нас, даже однажды кинули камнем и разбили голову одному мальчику. Можно купаться только рано утром, когда вода очень холодная, но зато рыбаки еще не проснулись.

Я иногда думаю — может, та речка просто пересохла? Или превратилась в озеро? Или ушла под землю... Так ведь бывает, есть подземные речки. У нас в лесу за территорией есть ключ, там очень чистая вода, которую можно пить, мы набираем ее канистрами и приносим в столовую, и потом пьем, можно даже некипяченую. И у нас очень редко болеют дети. Может быть, это и есть ключ из той Чистой речки? Я однажды написала сочинение про наш ключ и про реку, Надежда Сергеевна меня очень хвалила, даже хотела послать его на какой-то конкурс. Но не успела, ее сшибли.

Теперь у нас русский и литературу ведет другая учительница, и я на ее уроках скучаю и жду перемены. Нас осталось мало, почему-то перестали привозить детей в детский дом, старшие выпускаются, а новых не привозят. И в школу мы теперь ездим в поселок, на автобусе, если можно добраться. Когда начинаются дожди, дорогу размывает, и он может проехать только до половины дороги. И часть дороги мы идем пешком. Если не очень холодно и мокро, то это даже здорово, особенно ранней осенью — в лесу есть орешина и дикая слива, а по обочине можно набрать грибов. Но если сильный дождь или снег, мы остаемся на «самообучение». Никто, конечно, ничего не делает. Я беру книгу и ухожу куда-нибудь читать.

На кровати нам днем лежать не разрешают. Сидеть — можно, а лежать — только если ты болеешь. Есть, конечно, у нас люди, которым нельзя что-то запретить. Ну как воспитатель поднимет Веселухина, если тот ляжет и не захочет вставать? Она будет кричать, угрожать, назначать наказание одно за другим — и самому Паше, и остальным заодно. Но Паша тогда нарочно не встанет. Поэтому законы есть, например — не лежать на кровати, не курить на территории, не ворошить, — но соблюдают их те, у кого внутри есть какой-то свой закон.

Я вспомнила про Анну Михайловну, когда ушла Лерка. Как раз мой шеф спрашивала меня в последнем письме, чем я занимаюсь в свободное время. Она спрашивает это всегда, а я всегда отвечаю почти одно и то же: читаю, думаю, гуляю со своими товарищами. Про Веселухина я ей не рассказывала. Да и как это было рассказать? О чем-то я бы ни за что не стала откровенничать с Анной Михайловной, я могла бы рассказать лишь, как он всегда смотрел на меня и мне становилось приятно и как-то тревожно от его взгляда, как он приносил мне конфеты, всегда садился рядом со мной, когда мы смотрели телевизор, как он взял меня однажды за руку, и я никогда не забуду тот день.

Мы шли гулять, была осень, как сейчас, но с тех пор прошло уже два года. Было солнечно и холодно. У меня замерзли руки. А Веселухин взял обе мои руки, подул на них, сам засмеялся, и дальше мы пошли за руку. Но ему тогда было тринадцать лет, он был маленький, даже ниже меня ростом. А через год у него начали расти усы, не настоящие, просто появились

темные волосы над верхней губой. И он весь как-то изменился. Заговорил смешным ломким голосом, вытянулся, стал неловким и как-то... поглупел, что ли. И вот тогда в Новый год произошло одно событие, о котором я очень не люблю вспоминать, и... все временно закончилось. Паша через некоторое время стал везде ходить с Алёхиной, а однажды девчонки увидели, как он целовался с ней за забором, и так целовался, что всем всё стало ясно. И они, конечно, сразу прибежали ко мне и заставили пойти посмотреть. Я пошла не потому, что меня так легко заставить что-то сделать. А потому, что я хотела убедиться — все, эта история закончена. Через месяц или два Веселухин снова стал смотреть на меня, пару раз подходил, приносил шоколад, но у меня как будто что-то пропало внутри. Раньше было что-то, что вздрагивало и теплело при виде его, а теперь исчезло.

Я достала последнее письмо Анны Михайловны. «И обязательно напиши, о чем ты думаешь сейчас, прямо в ту минуту, когда будешь писать мне ответ» — так заканчивалось ее письмо.

«Я думаю о том, что мне нужно накопить как можно больше денег к тому моменту, когда меня выпустят из детского дома, — начала писать я. — Потому что я знаю, что у меня будет стипендия пять тысяч рублей. И начнут платить ее только в сентябре. А мне нужно будет как-то жить целое лето. И на пять тысяч прожить очень трудно. Я знаю, мне рассказывала Вера. Вера — это моя подружка, кажется, я писала... Я могу ей рассказать все, так же, как и вам...»

Некоторые зовут своих шефов на «ты», как будто это их родственники, ведь родственников зовут на «ты», как я своего папу, но я Анну Михайловну не считаю своей родственницей.

«Вера выпустилась два года назад, и сначала у нее было все хорошо, а потом пошло как-то не так...»

Я подумала и зачеркнула последнюю фразу. Потом подумала еще и разорвала письмо. Зачем шефу знать о Вере? И не думаю, что стоит писать ей о деньгах. Она же не может никак мне помочь. Не имеет права. Мне вообще никто не может помочь. У папы денег нет совсем. Он прислал мне телефон полгода назад в подарок на день рождения, вот это был сюрприз! Завидовали все — и те, у кого нет телефонов, и те, у кого есть, потому что они привыкли быть исключительными. А тут еще у кого-то появился телефон! И папа кладет мне каждый месяц сто рублей на телефон, но их ненадолго хватает. Если я про-

дам на рынке грибы или ягоды, я сама себе кладу деньги. Но зимой приходится просто ждать, когда придет долгожданное сообщение о том, что и у меня теперь есть связь с внешним миром. Мне звонит Анна Михайловна, иногда звонит Вера из города, даже однажды звонила папина жена, когда он болел, и предупреждала, чтобы я ничем его не тревожила, у него болит голова и сердце. Хотя я и так стараюсь ничего плохого ему не говорить.

Когда однажды мне разбили голову, случайно, целились не в меня, а я просто попала под руку, полезла куда не надо, и он мне позвонил, я только рассказала ему новый анекдот про евреев — он почему-то очень любит анекдоты про евреев, хотя сам совершенно русский человек, и они к нему отношения не имеют. Он смеялся, а я сидела и смотрела на себя в окно, как в зеркало, и было видно, как намокает и намокает кровью повязка на голове. Я хотела ему сказать, но не нашла слов, слишком много пришлось бы объяснять и рассказывать. К тому же, если подумает, что у меня плохой детский дом, он переведет меня в другой, как родственники перевели мою лучшую подругу Тасю, и мы потеряли связь, у меня тогда еще не было телефона, и я теперь не знаю, как ее найти. Может быть, она есть ВКонтакте, но наверняка под каким-то вымышленным именем, как делают все у нас.

Кому охота писать, что ты никому не нужный Илья Сироткин, да еще из заброшенного детского дома! Худой, некрасивый, прыщавый, с клочками бороды на лице, которую брить неохота и больно, — кожа и так воспалена. Сироткин ненавидит свою фамилию — ведь она настоящая, его родителей, которые так пили, что Ильюху у них забрали и отправили в детский дом, чтобы мальчик не сгорел случайно или не погиб от голода у родителей-алкоголиков. Но ведь у них уже была такая фамилия! Значит, сироты и раньше были у них в роду. И поэтому Илья в Сети — Джонни Дэпп. А моя подружка Тася, полненькая, милая, не очень уверенная в себе, может быть, Анжелина Джоли или Натали Пфайффер.

Когда папа приезжал, он много рассказывал о том, как выплачивает кредит, как зимой в самый холод работал на бензоколонке заправщиком и ему ничего не заплатили, как много денег нужно на лечение моего младшего брата, которого я никогда не видела.

Я верю папе, потому что он плохо выглядит, невысокий, бледный, не худой, но не крепкий, а просто полноватый, с